

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ЕВРОАЗИАТСКИЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ
ДИАЛОГ: «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ»
В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ
КУЛЬТУРЫ**

Под редакцией д-ра филол. наук О.Б. Лебедевой

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2007

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КИТАЕ (ХАРБИН 1920-х гг.)
ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПО НОВЫМ МАТЕРИАЛАМ

При изучении феномена русской диаспоры исследователи всегда хорошо представляли себе ее эволюцию во времени и четко периодизировали на три хронологические волны, но их пространственные представления о русской эмиграции до последнего времени были локализованы, главным образом, в Западном полушарии. Лишь сравнительно недавно интерес ученых начали привлекать центры русской эмиграции на Дальнем Востоке (прежде всего в Китае), и особенно такие города, как Харбин, где численность эмигрантов превышала этот же показатель в Париже и уступала только берлинскому¹. Что же касается культурной деятельности дальневосточных эмигрантов, которая еще подлежит более глубокому изучению, то она была не менее интенсивной, чем в других очагах рассеянной по всему миру русской эмиграции.

Недостаточность внимания, или, по меньшей мере, запоздалый интерес к русской эмиграции в Китае, безусловно, следует отнести на счет двух взаимосвязанных обстоятельств. С одной стороны, сами эмигранты, и особенно те, которые принадлежали к творческой интеллигенции, имели прочные связи с западной культурой уже и до того, как им пришлось удалиться в изгнание: они бывали и часто подолгу жили в европейских странах, получали образование в Германии или во Франции – поэтому вполне естественным представляется то, что наиболее крупные деятели русской культуры предпочли эмигрировать на Запад; с другой стороны, труды, посвященные русской диаспоре, инициированы в основном самими эмигрантами или их потомками – как те, так и другие имели и имеют прочные связи с европейской или американской культурной средой.

---

¹ В Берлине в 1923 г. (год, когда была отмечена наибольшая концентрация русских), насчитывалось 360 000 русских эмигрантов, которые составляли почти 10% населения столицы Германии (ср.: *Volkmann H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. Wuerzburg, 1966. S. 5*), в то время как в Париже в 1926 г. численность эмигрантов достигала 40 467, а к началу 1930-х гг. она выросла приблизительно до 50 000 (ср.: *Johnston R.H. Paris: Die Hauptstadt der russischen Diaspora // Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941, herausgegeben von K. Schloegel. Muenchen, 1994. S. 260, 263*). В так называемом «Большом Харбине», который образовался в результате слияния города Харбин с близлежащими городками Фуджидян и Сонгпу, в 1917 г. проживали 41 400 русских, в 1929 г. – 57 121, в 1933 г. – 54 000 белоэмигрантов и советских граждан в общей сложности, наконец, в 1941 – 30 000–40 000 русских (см.: *Bakich O. Charbin: «Russland jenseits der Grenzen» in Fernost // Der grosse Exodus... S. 304-305*).

В результате оказывается, что в фундаментальном четырехсотстраничном труде Глеба Струве «Русская литература в изгнании» поэтам Дальнего Востока посвящено чуть больше половины страницы². Лишь в последние годы китайский ученый Шаохуа Диао, имевший не только прямой доступ в публичные библиотеки Харбина, Шанхая и Пекина, но и возможность ознакомиться с некоторыми частными коллекциями, приступил к систематическому обзору литературной продукции русской диаспоры в Китае. Успешно выбравшись из чащи псевдонимов, он составил библиографию творчества двухсот шестидесяти писателей, в том числе синологов и переводчиков, живших и работавших главным образом в Харбине и Шанхае в период с начала 1920-х гг. по 1945 г.³

Это запоздание в изучении деятельности русской диаспоры в Китае, обязанное идеологическим запретам, которые были равным образом актуальны и для России, и для Китая, оказывается особенно удручающим в случае с Харбином – городом, который по сравнению с центрами западной диаспоры обладал совершенно своеобразной атмосферой. «Колонизированный» русскими уже в конце XIX в. в связи с открытием Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), Харбин обладал бытовой инфраструктурой, административно-бюрократическим аппаратом и многочисленными учебными заведениями, что более уподобляло его какому-нибудь губернскому центру Российской империи, нежели китайскому городу. Даже своеобразный символ Харбина, Никольский собор, выстроенный в традициях русского деревянного зодчества, подчеркивал его «русскость».

Следовательно, русские эмигранты, массовый исход которых в Харбин вследствие поражения Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке, пришелся на 1918–1922 гг., попадали здесь в привычную среду, которую они не воспринимали как чуждую или даже враждебную, как это зачастую происходило во многих западноевропейских городах. Харбин был «русским оазисом за рубежом родной страны»⁴, и Николай Лидин описывает душевное состояние переселенцев следующим образом:

---

² См.: *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 370 (1-е изд.: Нью-Йорк, 1956; 2-е – Париж, 1984; 3-е – Москва, 1996).

³ См.: *Диао Ш.* Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография: (Список книг и публикаций в периодических изданиях). Харбин, 2001.

⁴ Цит. по: *Bakich O.* Op. cit. S. 416. Апт. 22. Столь же распространенным, как уподобление «оазису», является и метафорическое отождествление Харбина с «островом»: в частности, литературный кружок «Чураевка» именуется «символическим островком русской культуры в Китае» (Цит. по: *Кодзис Б.* Литературные центры русского зарубежья, 1918-1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание. Muenchen, 2002. S. 222. Anm. 22); название «Остров» имеет и сборник стихов, признанный лучшей поэтической антологией русской эмиграции в Китае (Шанхай, 1946).

В конце 1919, начале 1920 г., попадая в Харбин, русский эмигрант ни в какой степени не чувствовал, что он за границей. В ту пору в полосе отчуждения, в Харбине в особенности, социально-административный уклад жизни носил ярко выраженный русский характер. И по существу, и формально⁵.

Гораздо более недоброжелательные отзывы о Харбине звучали с советской стороны: в журнале «Сибирские огни» русско-китайский город изображался как «умирающий медленной и мучительной смертью»⁶, в журнале «Новый мир» он именовался «белогвардейским гнездом»⁷, а Сергей Третьяков высказал предложение переименовать его в «Белогвардейск»⁸.

Несмотря на предвещаемый советской стороной апокалипсис, «русский» Харбин не только просуществовал до середины 1950-х гг., но и стал в годы своего высшего расцвета политическим и культурным центром русской эмиграции на Дальнем Востоке.

Вместе с политическими и военными изгнанниками в 1920-х гг. в Харбин прибыли многие образованные интеллигентные люди, среди которых особого упоминания заслуживают писатели, придавшие мощный импульс культурной жизни города: прозаики Сергей Иванович Гусев-Оренбургский (Гусев), Степан Карлович Скиталец (Петров), Николай Аполлонович Байков и Всеволод Никанорович Иванов, а также поэты Арсений Иванович Несмелов (Митропольский), Александра Паркау, Сергей Яковлевич Алымов, Алексей Алексеевич Ачаир (Грызлов), Марианна Ивановна Колосова, Наталья Семеновна Резникова и Валерий Францевич Перелешин.

В течение немногих лет Харбин превратился из периферийного провинциального города в один из центров русской культурной и литературной жизни в Китае; подобно другим городам диаспоры, его повседневную жизнь одухотворяли многочисленные художественные, культурные, светские и благотворительные начинания: здесь гастролировали русские певцы (Сергей Лемешев, Федор Шаляпин, Александр Вертинский); силами режиссеров и актеров эмиграции ставились спектакли на русском языке; музыканты и артисты балета, которые часто зарабатывали на жизнь преподаванием в музыкальных и балетных школах города, создали симфонический оркестр и давали оперные спектакли; кроме того, русские эмигранты устраивали благотворительные вечера и орга-

---

⁵ Лидин Н. Русская эмиграция на Дальнем Востоке // Русские записки. Париж; Шанхай. 1937. № 1. С. 313 (цит. по: *Кодзис Б.* Указ. соч. С. 210).

⁶ *Киржниц А.* У порога Китая // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 135.

⁷ *Аварин Влад.* Харбин революционный // Новый мир. 1929. № 11. С. 165.

⁸ См.: *Третьяков С.* Чсунго: Очерки о Китае. 2-е изд. М., 1930. С. 11. Цит. по: *Bakich O.* Op. cit. S. 310-311.

низовывали издательства, которые печатали многочисленные газеты и журналы на русском языке.

На волне российских событий 1918 г. в Харбине возникло множество новых периодических изданий, которые выражали взгляды самых различных политических группировок в диапазоне от монархистов до эсеров, но в большинстве случаев не пережили периода наиболее острой идеологической борьбы, хотя и были в течение некоторого времени объединены общей антибольшевистской позицией.

1920-е гг. ознаменовались бурным расцветом дальневосточной русской периодической печати, который достиг своего апогея в 1922 г., когда издавалось 25 газет (среди них 13 этого года) и 35 журналов (из них 17 новых), т.е. в целом 60 периодических изданий самого различного содержания.

В общей панораме русской периодики над политическими органами явно доминировал ежедневник «Заря» (1920–1926), политически нейтральное издание коммерческого характера, которое, благодаря привлекательной полиграфии и публикации адресованных широкому кругу читателей актуальных материалов, местных известий, а также информации о русском зарубежье, стало самой популярной харбинской газетой. Еще большим долгожителем стала вечерняя газета «Рупор» (1921–1933), обязанная своим успехом многочисленным еженедельным приложениям, среди коих была и «Литературная страница» с рубрикой «Что пишут харбинские писатели».

В статье «Вместо передовой» редакторы определили цели и задачи этого приложения следующим образом:

<...> литературное и издательское значение Харбина сильно возросло в последнее время. За один последний год в Харбине выпущено едва ли не больше книг, чем за всю предшествующую его историю. Вместе с тем оживает и книжный рынок, развивается библиотечное дело, появляется серьезный спрос на книгу. Рождаются кружки, преследующие литературные цели. Словом, все указывает на то, что Харбин прочно втянут в литературную жизнь русского зарубежья. <...> Значение его, как литературного центра, обещает сильно возрасти в ближайшее время. <...> Вот почему, желая идти в ногу с жизнью, мы считаем открытие литературно-критического отдела как нельзя более современным⁹.

В 1920-е гг. в Харбине выходило более 20 литературных журналов, печатавших рассказы и стихи писателей-эмигрантов; несмотря на свою недолговечность, эти издания играли важную роль в литературной жизни города. В 1920 г. вышел единственный номер двухнедельного журнала «Даль», который был принципиально аполитичным изданием и

---

⁹ Цит. по: *Диао Ш.* Указ. соч. С. 194.

стремился выразить душевное состояние эмигрантов. Статья «От редакции», в частности, гласит:

Хочется создать что-нибудь далекое политике, что-нибудь уходящее от мрачных тонов нынешней жизни <...>. Хочется создать такое, что бы согрело захолонувшее сердце заброшенного на суровую окраину русского человека, то, что смогло бы напомнить о правде, красоте, истине, светлых идеалах, о широких, ярких и солнечных далях возможностей и достижений¹⁰.

В конце 1920-х гг. увидели свет два номера литературно-художественного ежемесячника «Окно», выходявшего под редакцией поэта Сергея Алымова и профессора права Николая Устрялова, идеолога «Смены веков»¹¹. Этот журнал, который освещал политические вопросы и числил среди своих сотрудников не только авторов-эмигрантов, но и советских писателей Николая Асеева и Сергея Третьякова, имел тесные связи с футуристическим кружком Владивостока; распространяя информацию о деятельности русских поэтов-футуристов, он стал главным органом русского футуризма в Харбине. С этой же целью были организованы некоторые мероприятия: например, публичная дискуссия на тему «Интеллигенция и дух времени», а также конференция «Религия революции», на которой Асеев выступил с докладом о Владимире Маяковском. В 1921 г. издательство, в котором печатался журнал «Окно», опубликовало несколько книг, среди которых «Мистерия Буфф и стихотворения 1917–1919 гг.» В. Маяковского и сборник Н. Асеева «Бомба. Стихи».

В этом же году увидел свет ежемесячник «Русское обозрение», толстый журнал, который занимался литературой, наукой и политикой. Самой активной его сотрудницей была Александра Паркау, избравшая своим псевдонимом фамилию мужа «Нилус»: ей предстояло стать одной из наиболее крупных величин русской эмиграции на Дальнем Востоке.

Периодом расцвета литературных журналов стали 1921–1922 гг. В 1921 г. вышел единственный номер журнала «Фиал», среди авторов которого мы видим итальянского писателя Джованни Папини и встречаем криптоним «Давид Б.», возможно принадлежащий Давиду Бурлюку. Более долгая жизнь была суждена иллюстрированному еженедельнику «Дальневосточный синий журнал» (1921–1922), тогда как ежемесячный литературно-художественный и публицистический журнал 1922 г. «Китеж» оказался исчерпан своим первым номером. В конце этого же года вышло 4 номера литературно-художественного журнала «Вал», весьма разнообразного по своему содержанию и имевшего рубрики «Беллетри-

---

¹⁰ Дидо Ш. Указ. соч. С. 198.

¹¹ Ср.: Устрялов Н. Интервенция // Новости жизни. 1920. 24 февр. Цит. по: Дидо Ш. Указ. соч. С. 191.

стика», «Поэзия», «Живопись», «Отклики театров, музыки и кино», «Жизнь богемы», «Библиография», «Искусство в России и за границей», «Шаржи», «Юмор», «Смесь», «Спорт», «Мода», «Почтовый ящик», «Объявления». В 1922 г. увидели свет 6 номеров иллюстрированного журнала литературы и современной жизни «Маяк».

В следующем году «Литературно-художественный кружок» принял издание журнала «Сунгарийские вечера», первая тетрадь которого появилась в марте. На его страницах печатались прозаические и поэтические произведения некоторых наиболее плодовитых авторов дальневосточной эмиграции (Камышнюк, Скиталец, Несмелов, Устрялов и т.д.); здесь же был помещен и краткий отчет о деятельности кружка. К числу многообещающих изданий принадлежал двухнедельный литературно-художественный журнал «Баян» (1923), печатавший литературные произведения самых разнообразных жанров (лирика, мистика, сатира, юмористика, поэмы, сказки, театральные миниатюры, повести, рассказы, переводные новеллы и романы, популярные заметки, очерки и отдел «Для хозяек»).

В середине 1920-х гг. литературные публикации пошли на убыль, одновременно снижая свое качество. Высокий уровень сохранили еженедельный иллюстрированный журнал литературы, науки и современной жизни «Родная нива» (1925–1926), литературный, художественный, общественный и научный еженедельный журнал «Весь мир» (1925), два литературных журнала под названием «Луч» (1925 и 1926), литературно-иллюстрированный журнал «Паук» (1926), литературно-художественные журналы «Брачный журнал» (1926) и «7 дней» (1928–1931), а также «Театр и искусство» (1927–1930) и «Зигзаги» (1927–1928) – последний, сообразно со своим названием, несколько раз менял профиль в течение своей короткой жизни, становясь из литературно-художественного то литературно-художественным и театральным, то иллюстрированным еженедельным киножурналом.

Одним из самых долговременных и популярных иллюстрированных литературно-художественных журналов был «Рубеж» (1926–1945), который, начиная с конца 1920-х гг., выходил с еженедельной периодичностью и временами достигал тиража в 7000 экземпляров. Его успех был обеспечен привлекательным графическим оформлением и разнообразным содержанием: наряду с прозаическими и поэтическими произведениями русских и иностранных авторов его составляли популярные статьи, актуальные новости, местная хроника, библиографическая информация о печатной продукции русских дальневосточных и западноевропейских издательств; все это сопровождалось фотографиями и карикатурами. В этом журнале печатались произведения писателей русской диаспоры на Дальнем Востоке, а для многих более молодых, таких

как Валерий Перелешин и Наталья Резникова, он стал местом литературного дебюта.

Среди публикаций литературного профиля выделяются юбилейные издания, например альманах «А.С. Пушкин», первый и единственный выпуск которого увидел свет 8 июня 1927 г. по случаю 128-й годовщины рождения и 90-й годовщины гибели поэта.

В этой атмосфере духовного подъема творили несколько поколений писателей, создавших многочисленные поэтические студии и литературные объединения. Старшее поколение представляли Сергей Гусев-Оренбургский и Степан Скиталец, оба уже пользовавшиеся популярностью в предреволюционной России и прибывшие в Харбин в 1921 г. (первый в 1923 г. эмигрировал в Соединенные Штаты, второй в 1934 вернулся на родину). В 1922 г. приехал писатель-этнограф Николай Байков, который оставался достаточно изолированным в эмигрантской среде. Его ярко выраженный интерес к географии, фауне и флоре Маньчжурии и пристальное внимание к фольклору народностей Дальнего Востока стали краеугольным камнем его книг, которые завоевали ему популярность во всем мире. Будучи почетным членом «Общества изучения Маньчжурского края», в 1930-е гг. он сделался поборником проповедуемой Японией паназиатской идеологии. В том же 1922 г. прибыл в Китай Всеволод Никанорович Иванов, плодовитый и эклектичный автор, представитель идеологии евразийства и убежденный приверженец идеи особого «восточного» призвания России.

Несмотря на деятельность таких значительных прозаиков, литературную жизнь диаспоры определяли все же поэты; среди них выделялись те, кто принадлежал к более молодому поколению рубежа XIX–XX вв., испытавшему влияние довоенных модернистских течений. Одной из наиболее активных его представительниц, в том числе и в журналистике, была поэтесса Александра Паркау (псевдоним «Нилус»), произведения которой подхватывают блоковскую концепцию революции как необузданной природной стихии и возмездия старому миру за его грехи и пороки.

Поэтическая продукция Сергея Алымова, прибывшего в Харбин в 1917 г., но никогда не терявшего связей с Советской Россией, куда он вернулся в 1926 г., колеблется между рафинированными эротическими композициями в духе Северянина и «космическими» пролетарскими стихами, отчужденными в поэтической манере Брюсова. Кроме всего прочего, он был занимательным и образованным собеседником, который вдохновлял харбинскую литературную молодежь своими беседами о роли музыки в поэзии, о Хаосе, порождающем Космос, о гармонии сфер, доступной только тому, кто причастен космическому элементу и внемлет небесам, звездам, грозам и бурям.

Среди харбинских поэтов были и те, кто испытал влияние авангардистских течений, например Венедикт Март (псевдоним Венедикта Матвеева)¹², который, прежде чем вернуться в Россию в 1923 г. и погибнуть в годы репрессий, опубликовал несколько футуристических поэтических сборников, не вызвавших особого резонанса. Еще один поэт-футурист, Федор Камышнюк, также вернувшийся в Россию в 1930-е гг., был автором вызывавших насмешки экспериментальных стихов.

Наиболее крупными фигурами русского литературного Харбина стали Арсений Несмелов¹³, Алексей Ачаир и Марианна Колосова.

Несмелов (псевдонимы «Анастigmat», «Тётя Розга», «Николай Дозоров», «Н. Арсениев» и др.) был заброшен Гражданской войной в Омск, где он примкнул к отрядам армии Колчака. Наступление большевиков вытеснило его во Владивосток, в то время бывший столицей буферного государства Дальневосточная республика. Здесь он установил связи с группой объединившихся вокруг журнала «Творчество» футуристов (поэты Алымов, Асеев, Давид Бурлюк, Третьяков и Чужак). Сам Несмелов завоевал славу только после своего переселения в Китай (1924), где и вышли его основные поэтические сборники, отличающиеся дерзостью, оригинальностью и мастерским использованием стилистических красок. Главной темой его поэзии, и прежде всего «романтических» баллад, в которых чувствуется влияние Гумилева и Тихонова, является война (Первая мировая и Гражданская), не только представленная как коллективная трагедия, но и осмысленная как апофеоз индивидуального героизма офицеров Белой армии, в фигурах которых воплощены традиционные русские ценности. Позиция защитника веры, идеалов, национальных моральных норм подвигла Несмелова на сочинение декларативно-патриотических стихов. Но несмотря на такую идеологическую ориентацию, поэт поддерживал связи как с русской эмиграцией в Западной Европе (его стихи печатались на страницах издававшегося в Праге журнала «Воля России»), так и с родиной (ср. публикации в журнале «Сибирские огни» и «Дальневосточное обозрение»).

Другим крупным светилом в поэтическом созвездии Харбина был Алексей Ачаир, выбравший свой псевдоним по названию сибирской казачьей станицы Ачаир, где он родился. Белый офицер и рафинированный эстет, он прибыл в Харбин в 1922 г. после исполненного опасностей пешего странствования через тайгу. В Харбине, где он стал секретарем «Христианского союза молодых людей» (УМКА), он напечатал 5 поэтических сборников: «Первая книга стихов» (1925), «Лаконизмы»

---

¹² Венедикт Март (Матвеев) был отцом Ивана Елагина, одного из наиболее значительных представителей второй волны эмиграции.

¹³ Об А. Несмелове см.: *Hinrichs J.P. Verbannte Muse. Zehn Essays ueber russische Lyriker der Emigration, Muenchen, 1992. S. 17-31.*

(1937), «Полынь и солнце» (1938), «Тропы» (1939) и «Под золотым небом» (1943). Его стихотворения, которые нередко появлялись отдельными публикациями как на страницах харбинских журналов, так и в изданиях западноевропейской эмиграции, в частности парижских, отличаются ясностью мысли, изяществом и отточенностью стиля, музыкальностью, чистотой ритмических конструкций и символической насыщенностью своей цветовой гаммы (все оттенки синего и голубого цвета ассоциируются с просторами России; розовый, алый, оранжевый и желтый – с топасом Дальнего Востока). Ачаир, который, кроме всего прочего, был еще и превосходным пианистом, любил декламировать свои стихи нараспев, с акцентуацией звуковых эффектов, часто сопровождая чтение музыкой собственного сочинения. Излюбленными темами Ачаира были Россия, Сибирь и судьба сибирского казачества, описываемая в ностальгических тонах тоски по утраченной родине – ею для поэта навсегда осталась Сибирь. И действительно, он исповедовал идею независимой Сибири, которая в случае поражения большевиков могла бы воплотиться в реальность.

Поэтесса Мария Колосова, уроженка Алтая, переселилась в Харбин около середины 1920-х гг. и печаталась в харбинских изданиях под псевдонимом «Елена Инсарова». Многие стихотворения Колосовой посвящены русским женщинам и их трагическим судьбам в послереволюционной России и в эмиграции. Ее патриотические стихотворения проникнуты высоким гражданским пафосом и не лишены публицистических интонаций; в их содержании преобладают мотивы долга, чести и мужества; они пронизаны ненавистью к большевизму и пламенной любовью к родине. Эти националистические склонности поэтессы к началу 1930-х гг. выльются в симпатию к дальневосточной русской фашистской партии, одним из основателей которой был ее муж Александр Покровский.

Характерным признаком первых послереволюционных лет стали спонтанно возникающие и потому случайные и недолговечные поэтические объединения. Одним из типичных примеров такого объединения является созданная в конце 1918 г. литературная студия «Кольцо», где выступали модернисты и авангардисты (такие как Алымов, Март и Камышнюк), но, несмотря на благосклонность публики, жизнь этой студии была очень недолгой.

Стабилизация литературной жизни Харбина ознаменовалась основанием «Общества русских писателей и журналистов» (конец 1921 г.), которое в течение короткого времени своего существования (вплоть до конца 1922 г.) проводило еженедельные литературные чтения и дискуссии на литературные темы; в них принимали участие наиболее видные представители литературной и интеллектуальной жизни Харбина. Вслед

за ним в течение 1920-х гг. возникло множество литературных кружков и клубов, имевших свои уставы и организационные структуры.

Во второй половине 1922 г. был учрежден «Литературно-художественный кружок», насчитывавший в своих рядах более ста писателей, художников и музыкантов. Деятельность кружка разворачивалась в двух направлениях: это публичные вечера, посвященные памяти русских писателей, композиторов и художников (например, вечер по случаю первой годовщины смерти А. Блока и празднование тридцатилетия творческой деятельности М. Горького), а также закрытые заседания с докладами, чтением литературных произведений и выступлениями актеров и музыкантов. В 1923 г. «Кружок» выпустил первый и единственный номер своего журнала «Сунгарийские вечера», уже упоминавшегося выше.

Около середины 1920-х гг. харбинская литературная жизнь претерпела довольно значительные изменения. Из Харбина уехали многие писатели, и одновременно на авансцену литературной жизни вышло новое творческое поколение, объединившееся в литературном обществе «Чураевка», которое в 1926–1934 гг. играло основополагающую роль в духовной жизни города. Оно было основано Ачаиром, горячим поклонником сибирского писателя Георгия Дмитриевича Гребенщикова, эмигрировавшего в 1920 г. в Париж, где начал печататься его роман-эпопея «Чураевы». Переселившись в 1924 г. в Соединенные Штаты, Гребенщиков обосновался в Саутбери (Коннектикут) и создал там русский скит, которому, согласно проекту, выработанному совместно с Николаем Рерихом, предстояло преобразиться в «город-сад» «Чураевка», культурно-творческий центр и прообраз будущей колонии художников в Алтайских горах.

Вечера «Чураевки» проходили в обширном зале гимназии «Христианского союза молодых людей» при большом стечении публики: в их разнообразной программе принимали участие литераторы, художники, музыканты, актеры и ученые.

Молодые литературные дарования воспитывались в литературном кружке «Молодая Чураевка», основанном в 1927 г. и также работавшем под руководством Алексея Ачаира. Литературную продукцию молодежного кружка составили три поэтических сборника: «Лестница в облаках» (1929), «Семеро» (1931), «Излучины» (1935) – и литературная газета «Молодая Чураевка» (1932–1934), которая сначала выходила как еженедельное приложение к вечерней русскоязычной версии английской газеты «Harbin Daily News», а впоследствии стала самостоятельным изданием под заглавием «Чураевка». Благодаря заботам Ачаира, редактора и автора наиболее важных публикаций, газета «Чураевка» превысила масштаб местного издания дальневосточной эмиграции в Китае и стала одним из наиболее значительных явлений в литературной

жизни русской диаспоры вообще¹⁴: она помещала известия о местных литературных новинках, в ней рецензировались публикации русской эмиграции в Китае и Западной Европе, в ней начинали свой творческий путь молодые дарования. Однако же через некоторое время обнаружилась идеологическая несовместимость гражданско-патриотической тематики (прежде всего, идеи сибирского регионализма), преобладающей в творчестве Ачаира, и тяготения молодежи к Западной Европе (которое было пресечено японской оккупацией Маньчжурии и распространением панasiatской идеологии). Эта несовместимость вылилась в острый внутренний конфликт, который в 1932 г. вынудил Ачаира покинуть посты руководителя молодежного кружка и литературного объединения «Чураевка».

Наряду с публичными чтениями молодые поэты занимались и студийной работой, организовавшись в «цех поэтов» по образцу гумилевской школы поэтического ремесла. Его закрытые собрания бывали посвящены критическим рассмотрением трудов его участников, комментариям сочинений западноевропейских писателей-эмигрантов и дискуссиям на литературно-художественные темы. Несмотря на то, что «цех поэтов» не стал, подобно акмеизму, литературной школой с общей эстетической программой, все же влияние акмеизма заметно в трудах его членов. Так, например, стихи Ларисы Андерсен продолжают традиции А. Ахматовой, а в творчестве Василия Обухова очевидно влияние Н. Гумилева. Стихотворения наиболее одаренного из поэтов «Молодой Чураевки», Валерия Перелешина, который заявил о себе во второй половине 1930-х гг., тоже надолго сохранили черты поэтики акмеизма, прежде всего в том, что касается внимания к формальному совершенству стиха¹⁵.

Несмотря на то, что Ачаир добровольно отошел от деятельности кружка, его идея сибирского регионализма и его восхищение мудростью и культурой Востока продолжили свою жизнь, поскольку через некоторое время подобным умонастроениям предстояло органично слиться с панasiatской японской идеологией. Одним из наиболее ярких выражений этого направления стал литературно-художественный альманах «Багульник» (1931). В названии дальневосточного растения, давшем альманаху имя, заключался определенный символично-метафорический смысл: оно воспринималось как образ расцвета и знак единства целей русских эмигрантов и народностей Дальнего Востока. Такие авторы, как Арсений Несмелов, выражали благодарность приютившему их Дальнему Востоку, признавали свою связь с его культурой и жизнью и подчер-

---

¹⁴ Ср. благожелательную рецензию А. Адамовича «Чураевка, литературный журнал №№ 1-5. Харбин», напечатанную в парижской газете «Последние новости» от 29. 03. 1934 (см. об этом: *Кодзис Б.* Указ. соч. С. 226).

¹⁵ О В. Перелешине см.: *Hinrichs J.P.* Op. cit. S. 96-110.

кивали, не без риска подпасть под власть стереотипа, его духовное богатство и неповторимый колорит.

В соприкосновении с реальным или воображаемым Китаем возродилось и окрепло убеждение, исповедовавшееся еще славянофилами и ожившее в идеологии евразийства (идеологическое направление, которое приобретет определенность своих очертаний на рубеже 1920-х гг., но не в Харбине, а в Шанхае), – убеждение в превосходстве духовного начала, воплощаемого Востоком, над противостоящим ему западным утилитаризмом.

Интерес к культурному наследию приютившей их страны был одной из отличительных черт деятельности русской эмиграции в Китае. В то время как более организованная и консервативная русская эмиграция на Западе (за частичным исключением парижской), была сосредоточена в основном на самой себе и видела свою миссию в сохранении чистоты русской культуры вопреки катаклизмам на Родине и неблагоприятным условиям на чужбине, в русском Харбине всегда были живы научные и культурные интересы к окружающей реальности¹⁶. Россия, Сибирь и Китай поочередно привлекали внимание русских ученых и литераторов по мере их движения на Восток. Таким образом, русские писатели, несмотря на то, что им с трудом удавалось проникать в литературную среду Китая, все же обнаружили восприимчивость к культурному наследию принявшей их страны: они разрабатывали в своих произведениях «китайскую» тематику и иногда пробовали свои силы в переводах с китайского языка.

Вероятно, эта своеобразная позиция русской эмиграции на Востоке обусловлена двумя основными причинами. Во-первых, дальневосточная эмиграция не была зависима от авторитета крупных личностей, достигнувших вершины известности уже в предреволюционной России и влиявших на культурную жизнь самим своим духовно-интеллектуальным обликом. Во-вторых, если на Западе русские эмигранты имели дело с культурной реальностью, воспринимаемой одновременно как «чужая» и как «своя» (и при этом в обоих случаях как подавляющая), то культурное наследие Дальнего Востока осознавалось ими как «другое» и «альтернативное». Может быть, именно восточная «экзотика» создала ту необходимую дистанцию, которая позволила эмигрантам установить с окружающей их реальностью более тесные и непосредственные контакты – их направляло естественное любопытство, свободное, однако, от страха утраты культурной идентичности.

---

¹⁶ Этот разносторонне документированный Ш. Дяо интерес русских эмигрантов к Китаю, напротив, отрицает О. Бакич, утверждающий, что Китай по большей части не оказал на них особого влияния и что, в свою очередь, присутствие русских в Харбине не имело никакого влияния на Китай (ср.: *Bakich O. Op. cit. S. 327*).

Как заметил Валерий Перелешин, не только принадлежавший к числу наиболее значительных литераторов русской эмиграции на Дальнем Востоке, но и бывший одним из наиболее внимательных наблюдателей ее жизни, Китай ни на кого из русских не наложил печати своего языка и своей культуры, и поэтому «русский» Харбин, даже подверженный притягательному очарованию местной экзотики, все же сохранил язык и традиции лучше, чем европейские и американские центры русской диаспоры¹⁷.

Перевод О.Б. Лебедевой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (ПУБЛИКАЦИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ)

Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005.

Белозубова Н.И. Человек на перекрестке культур в прозе русской харбинской эмиграции (сборник рассказов А.П. Хейдока «Звезды Маньчжурии») // Европейские исследования в Сибири. Вып. 4 (Материалы всероссийской научной конференции «Мир и общество в ситуации фронта: проблема идентичности». 14–16 апреля 2003 г.) Томск, 2004. С. 172-179.

Бузев О. Литература русского зарубежья Дальнего Востока 1917-1941: Дис. ... д-ра филол. наук. 2001.

Витковский Е.В. «На сопках Маньчжурии» // Несмелов А. Без Москвы, без России. М., 1990. С. 2-32.

Волин М. Гибель молодой Чураевки // Новый журнал. 1997. С. 216-240.

Годы, люди, судьбы: История российской эмиграции в Китае: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию города Харбина и КВЖД. М., 1998.

Диао Ш. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография: (Список книг и публикаций в периодических изданиях). Харбин, 1999.

Дяо Ш. Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.) // Россияне в Азии. 1996. № 3. С. 57-109.

Карлинский С. Поэзия дальневосточной эмиграции и «Южный дом» Валерия Перелешина // Новое русское слово. 1969. 9 февр.

Кодзис Б. Литературная жизнь русской эмиграции в Харбине (1917-1945) // Вопросы литературы. 1998. № 2. С. 366-373.

Кодзис Б. Очаги русской литературной жизни в Китае // Кодзис Б. Литературные центры русского зарубежья 1918-1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание. Мюнхен, 2002. С. 209-243.

Кодзис Б. Русская эмигрантская поэзия в Харбине (1917-1945) = Kodzis B. Russkaja emigrantskaja poezija v Charbine (1917-1945) // Literatura Słowian Wschodnich. Tendencje rozwojowe, przewartościowania. Zielona Góra, 1999. S. 61-74.

Крадин Н. Харбин - русская Атлантида. Хабаровск, 2001.

Крузенитерн-Петерец Ю.В. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Возрождение. 1968. № 204. С. 45-70.

Лукашкин А. К библиографии дальневосточной прессы: Студенческая пресса Харбина // Новый журнал. 1974. № 114. С. 252-259.

¹⁷ См.: *Hinrichs J.P.* Op. cit. S. 96.

- Мелихов Г.В.* Деятельность Б.В. Остроумова на КВЖД (1921 – февраль 1922) // Культурное наследие российской эмиграции 1917-1940. Кн. 1. М., 1994. С. 153-160.
- Мелихов Г.В.* Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003.
- Перелешин В.Ф.* Русские дальневосточные поэты // Новый журнал. 1972. № 107. С. 255-262.
- Перелешин В.Ф.* Русские на Дальнем Востоке // Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Париж, 1971. С. 324-332.
- Перелешин В.Ф.* Русские поэты Харбина // Современник. 1979. № 43-44. С. 181-184.
- Петров В.П.* Литературная жизнь в Харбине и Шанхае // Вопросы литературы. 1989. № 8. С. 276-281.
- Поланский П.* Русская печать в Китае, в Японии и Корее: Каталог собрания библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета. М., 2002.
- Рачинская Е.* Калейдоскоп жизни. Париж, 1990.
- Резникова Н.В.* В русском Харбине // Новый журнал. 1988. № 172-173. С. 385-393.
- Русская поэзия Китая* / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001.
- Русский Харбин* / Сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. М., 1998.
- Струве Г.* Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1965; 2-е изд. Париж, 1984; 3-е изд. Париж; Москва, 1996.
- Таскина Е.П.* Неизвестный Харбин. М., 1994.
- Таскина Е.П.* Поэтическая волна «Русского Харбина» (20–40-е годы) // Записки русской академической группы в США. 1994. Т. 26. С. 241-268.
- Штейн Э.* Журналы русского Китая // Знамя. 1990. № 5. С. 231-236.
- Bakich O.* Charbin: «Russland jenseits der Grenzen» in Fernost // Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. Herausgegeben von K. Schloegel. Muenchen, 1994. S. 304-328.
- Hinrichs J.P.* Verbannte Muse. Zehn Essays ueber russische Lyriker der Emigration. Muenchen, 1992.
- Pachmuss T.* A Russian Cultural Revival: A Critical Antology of Emigré Literature before 1939. Knoxville, 1981.
- Russian Literary and Ecclesiastical Life in Manchuria and China from 1920 to 1952: Unpublished Memoirs of Valerij Pereleshin* / Ed. by Th. Hauth. The Hague, 1996.
- Russian Poetry and Literary Life in Harbin and Shanghai, 1930-1950. The Memoirs of Valerij Pereleshin* / Ed. by J.P. Hinrichs. Amsterdam, 1987.